

СОЦИАЛЬНАЯ МЕЧТА, ИДЕЯ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX в.

Семенова Л. Н.

г. Минск, БНТУ

Начало XX в., терзавшее общество кризисами, революциями, войнами, стало переломной эпохой в развитии русской и мировой капиталистической систем. И если оценки структурно-системных сдвигов будут даны учеными существенно позже, то чувство надвигающейся катастрофы, слома традиционного уклада, окончания старого мира и неизбежности перехода к новому охватило общественное сознание всех слоев уже тогда. Красноречивый эпизод этого надрыва зафиксировал в своих воспоминаниях крестьянин П.Я. Тадеуш из Могилевской губернии. Он описал случай, произошедший осенью 1916 г. недалеко от Могилева. Николай II со своей свитой на четырех автомобилях из Могилева, где располагалась ставка главнокомандования, направился на прогулку по направлению к шоссе Могилев – Орша. Когда царь подъехал к переезду через Днепр, паром, переполненный подводами, находился посередине реки. Испуганный арендатор парома изо всех сил закричал: «Гони назад!» На пароме произошло замешательство. Одни (в основном старики) взялись тянуть назад – за царем, другие (молодежь, солдаты с фронта) ринулись тянуть вперед, приговаривая: «Делать ему нечего, обождет, очень часто прогулки пьяные совершает...». Так на пароме образовались две группы. Победили молодежь, солдаты. Паром оказался на противоположной стороне, а царь вынужден был ждать, с неудовольствием наблюдая картину этой борьбы [3, с. 97]. Вот так и империя скоро ринется не просто в «реку» исторических перемен, а в разверзнувшуюся пропасть исторической бури («Пусть сильнее грянет буря!» – звал буревестник революции) и к оставленному с царем берегу уже не вернется.

Революционная буря не просто потрепала корабль Российской империи. Февральская революция, уничтожив всего одну (самодержавие), но несущую конструкцию в гомогенной системе русской власти, подрубила основы самой государственности. В прошедших на Западе буржуазных революциях, какими бы радикальными и глубокими они не были, речь шла о реформировании государственного аппарата, приведении его в соответствие с потребностями ка-

питалистической системы. Таковы были революции в странах ядра капиталистической системы, о которых В.И. Ленин на рубеже XIX–XX вв. писал, что Запад с революциями уже покончил, т.к. система сложилась, вошла в период зрелого субстанционального развития. Принципиально иными станут революции периферии капиталистической системы, к которым, продолжая Ленина, Восток тогда еще не приступил. В этих революциях речь шла о судьбе самой суверенной государственности стран, которые попали в поле колониальных интересов Запада. К ним относилась и Россия, приговор которой был вынесен накануне и во время Первой мировой войны. Но так как страна продержалась три военных года и даже готовила на 1917 г. широкое военное наступление, подсекли ее Февральской революцией. Главными пружинами Февраля были верхушечные заговоры, прежде всего британский, следы которых неизбежно терялись на фоне мощных социальных волнений, вызванных военными неурядицами. Государственность легче всего рушилась на окраинах. Как заметил американский просветитель Б. Франклин, большие империи, как и большие пироги, легче всего объедаются с краев. И даже когда в центре после взятия власти большевиками в октябре 1917 г. стали восстанавливаться управляемость и государственные институты, на окраинах все еще продолжался инерционный распад, отягощенный гражданской войной и иностранной интервенцией.

Спасение огромной страны и ее окраин заключалось в восстановлении государственности. Как справедливо отмечалось на одном из заседаний несмотря ни на что все еще продолжавшей работать Минской городской думы весной 1918 г., «если Белоруссия не будет организована, она не в состоянии будет защитить свои пределы. Она должна определить себя, как государственный организм» [8, с. 39]. Но для того, чтобы защитить страну от поползновений западной капиталистической системы и обеспечить ей самостоятельное, отвечающее интересам всего народа развитие, государственность должна отвечать минимум трем взаимосвязанным критериям. Она должна быть 1) по-настоящему суверенной, 2) вдохновляться собственной некапиталистической идеей, которая будет способствовать идеологической поддержке суверенитета, и 3) опираться на широкую народную поддержку, которая возможна только в том

случае если идея государственного проекта соответствует глубинным социальным инстинктам и чаяниям, т.е. социальной мечте. Таким образом, рывок в будущее мог совершить тот субъект социального действия, безусловно сплоченный и организованный, который смог бы овладеть этими тремя инструментами: «поймать волну» социальной мечты, дать ей идеологическое выражение в виде общественного проекта и найти для его воплощения адекватный властно-управленческий инструментарий без покровительства Запада.

На национальных окраинах общественные проекты облекались в национальные формы, ставился вопрос о национальной государственности. Осмысление водораздельной эпохи начала XX в. в общественно-научном дискурсе современной Беларуси, как молодого национального государства, конструирующего свою собственную национальную историю, преимущественно сосредоточено именно на проблематике формирования национальной государственности, т.е. формы, порой абстрагируясь от содержания. В соответствии с хронологией выстроился даже алгоритм смены форм национальной государственности от БНР к БССР. В последнее время часты рассуждения о том, что это этапы единой эволюции белорусской национальной государственности, что именно провозглашение БНР явилось путеводным ориентиром для создания БССР. Да, хронологически эти события следуют друг за другом, с интервалом менее чем в год, но, по сути, они различны, более того, противоположны, как два берега, между которыми протекла река социальной революции. БНР, как это не покажется парадоксальным, осталась на вышеупомянутом днепровском берегу с царем, как бы приоткрывая неизбежное логичное завершение, к которому могла привести агония старой российской системы, а БССР стала проектом той молодежи, которая изо всех сил тянула паром своей социальной мечты вперед.

История БНР в современной белорусской историографии прослежена чуть ли не по минутам. Этот проект выдвинул весьма узкий круг лиц национально ориентированной белорусской интеллигенции и то в большей степени в качестве реакции на происходящие революционные и военные события. И эта интеллигенция скорее всего даже не представляла реального смысла и последствий своих действий. Провозглашая собственное национальное государство и отрывая его от России, они надеялись, что, как записано в 3-й

уставной грамоте БНР от 25 марта 1918 г., «убирают с родного края последнее ярмо государственной зависимости, какое сообща накиннули российские цари на наш вольный и независимый край» [8, с. 41]. Однако, тем самым свой «вольный и независимый край» они подставляли под еще более цепкое ярмо западной капиталистической системы. Именно для осуществления своей экономической и политической власти Западу необходимо было уничтожить суверенные империи Германскую, Австро-Венгерскую, Российскую и Османскую, для чего собственно и была затеяна Первая мировая война. А небольшие национальные осколки разбитых империй гораздо легче вплести в мировую капиталистическую систему. Возможно деятели БНР верили, что они осуществляют мечту белорусского народа, однако на деле они приближали мечту западной верхушки превратить Европу в созвездие малых псевдогосударственных образований под властью мирового, т.е. их собственного капитала. Как говорится, лидеры БНР действовали согласно своему пониманию, но в меру их непонимания их действиями пользовались другие. Еще в 1904 г. на страницах закрытого масонского журнала «Акация» его редактор Ш. Лимузен писал о Российской империи: «Подлинная политика Западной Европы должна состоять в расчленении этого колосса, пока он еще не стал слишком опасным. Следовало бы использовать возможную революцию для восстановления Польши в качестве защитного вала Европы, а остальную часть России разделить на три или четыре государства» [1, с. 571]. После Февральской революции 1917 г. посол Великобритании во Франции Ф. Берти записал в дневнике: «Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, то есть Финляндии, Польши, Украины и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку» [1, с. 378].

Признавая свою несамостоятельность, лидеры белорусского национального движения искали себе покровителя. Они не погнушались увидеть его в лице Германии, с которой воевала Российская империя, и решились на провозглашение БНР только в условиях

второй немецкой оккупации. В пресловутой телеграмме кайзеру Германии Вильгельму II от 26 апреля 1918 г. Рада БНР сообщала, что она «объявила независимость целой и неделимой Белоруссии и просит у Вашего Величества защиты ее устремлений по укреплению государственной независимости и целостности страны в союзе с Германским рейхом. Только в защите Германского рейха Рада видит спасение своей страны в будущем» [8, с. 47]. Ирония истории для лидеров БНР заключалась в том, что они поставили не на того покровителя. Германия оказалась противником «хозяев мировой игры», т.к. сама претендовала на роль лидера мировой капиталистической системы, и потерпела от них поражение. В том числе и по этой причине международное сообщество не заметило БНР. Устроители Версальской системы англосаксы не уделили ее представителям никакого внимания.

Идея национального государства не наполнялась лидерами национального движения каким-либо особым, приличествующим торжественности формы содержанием. Только партия БСГ, оправдывая свое название Белорусская социалистическая громада, интересовалась социалистическим учением. В программе БСГ, принятой в 1906 г., заявлялось, что ее окончательной целью является замена капиталистического строя социалистическим. В решении аграрного вопроса БСГ солидаризировалась с эсерами. Остальные партии и движения, создавшие Белорусский национальный комитет (БНК) после Февральской революции, участвовавшие в национальном съезде в марте 1917 г., сосредоточились на проекте белорусской автономии в составе Российской федеративной демократической республики. Они не шли дальше общих демократических лозунгов Февраля, капиталистических по своей сути.

Масса же белорусского народа, в основном крестьянская, разбуженная революцией, в силу собственных социальных инстинктов, предпочла национальной капиталистической форме государственности классовое антикапиталистическое содержание социальной мечты и идеологии. В этой связи активный участник национального движения известный историк М. Довнар-Запольский точно определил смысл назначения главой БНК помещика Р. Скирмунта. Он писал: «Нетрудно предвидеть, что появление крупного помещика во главе объединенных белорусских организаций, в которых, во вся-

ком случае, социалисты всех оттенков имели первенствующую роль, было крупной ошибкой, ибо подрывало доверие к комитету... Непригодность Скирмунта быть представителем крестьян Белоруссии сделалась ясной для него самого; он снял свою кандидатуру на все выборы...» [5, с. 480, 481]. Таким образом, проект белорусской национальной государственности, не предлагавший новой содержательной идеи, оставался в капиталистическом поле и срабатывал в интересах мировой капиталистической системы. Беларусь, сначала как автономия в составе послефевральской капиталистической России, затем как самостоятельная, но такая же капиталистическая БНР оказывалась вполне удобоваримым куском для мирового капитала, к тому же подготовленным к эксплуатации немецкой оккупационной администрацией.

Трудно сказать насколько понимала это белорусская национальная интеллигенция. Но вот белорусский народ глубинами своего подсознания это хорошо чувствовал. Для него было ясно, что оказавшись в «самостоятельном» государстве, он вернется под власть польских панов, а вместе с русским народом у него есть шанс на лучшее будущее, на осуществление своей социальной мечты. Стремительно появлявшиеся в Беларуси советы разных видов и уровней четко высказывались за единство с Россией. В резолюции исполнительного совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний отмечалось: «Мы, белорусы, не отделяемся от трудящихся классов остальных народов, населяющих Россию, и единственной властью признаем советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, скрепляющих союз всех угнетенных классов против их угнетателей» [2, с. 700]. Очень точно сложившуюся ситуацию на своем собрании охарактеризовали моряки-белорусы Балтийского флота и белорусы – жители Кронштадта. В принятой ими резолюции протеста было записано: «Теперь уже стало ясно, что в планы воюющих миров входят преступные замыслы расчленения России, имя которому черный раздел Великой Российской республики. Что одной из несчастных жертв этого черного международного раздела России по своему историческому положению и современному ходу вещей является наша, долгие годы спавшая, приниженная и обойденная Белоруссия... Собрание считает, что вся Белоруссия по духу своего белорусского трудового народа, по своему историческому

прошлому и по ходу Великой Российской революции является неотъемлемой частью Российской Федеративной Республики, в которую она должна войти как автономное государственное целое» [4, с. 61]. В постановлении общего собрания беженцев из Гродненской губернии от 29 апреля 1918 г. говорилось: «Мы желаем остаться в составе РСФСР и не только не желаем быть подданными Германии, но не допускаем даже мысли о переходе в германское подданство. Мы желаем возвратиться на свою родную белорусскую землю свободными русскими гражданами» [4, с. 57–58].

Только вместе с Россией, но Россией изменившейся, свободной, воплотившей их социальную мечту видела себя основная масса белорусского народа. Социальная мечта в тех исторических условиях осознавалась в четких классовых координатах, как стремление избавиться от эксплуатации, классового угнетения и самостоятельно устраивать свое благополучие. Подходы к осуществлению этой социальной мечты лучше всего на тот момент, возможно, не столько представляли, сколько выражали большевики.

В своих воспоминаниях гомельский большевик М.М. Хатаевич отмечал, что, он и его соратники по комитету РСДРП(б) единодушно восприняли апрельские тезисы 1917 г. В.И. Ленина, «как естественное теоретическое оформление того, что неясно и бесформенно подсказывалось революционным и пролетарским чутьем» [7, с. 366]. Он честно признавал, что первоначально гомельская большевистская организация была очень бедна «культурными, интеллигентными, ораторскими силами», но это не мешало ей со всем революционным энтузиазмом вести устную и печатную агитацию. По его словам, на митингах, например, в Новобелице «против одного корявого в смысле ораторских способностей большевика выступало не менее полдюжины сладкогласных и хорошо образованных эсеро-меньшевиков, – но успех в этих местах почти всегда оставался за нами» [7, с. 364]. К осени 1917 г. массы все более симпатизировали большевикам. «... было ясно, – писал Хатаевич, – что настоящим хозяином положения скоро должна стать тогдашняя на вид далеко непрезентабельная, не обладавшая большими интеллектуальными силами, но сильная правильной классовой линией, революционной настойчивостью и решительностью молодая организация больше-

виков» [7, с. 368]. Точный портрет субъекта социального действия, описанный его непосредственным участником.

Если рабочие и солдаты быстро откликнулись на лозунги большевиков, то с крестьянами было труднее. Хатаевич писал: «В деревне если мы в то время и начали вести работу, то только случайно, бессистемно и главным образом неподалеку от Гомеля» [7, с. 370]. Попадавшие виды крестьяне могли поверить лишь классово близким людям, их реальным делам ... и очень точным словам. Вот как, например, могилевские крестьяне отреагировали на воззвание Л.Г. Корнилова, поднявшего мятеж в августе 1917 г. «Опять генерал на сцену поднимается, хочет власти, а о земле ни слова, а об окончании войны ни слова, а вот «война до победного конца» – это все говорят: и Временное правительство, и новый генерал – «сын крестьянина»» [3, с. 98]. Корнилов подчеркивал, что он сын казака-крестьянина.

Летом–осенью 1917 г. крестьяне начали настоящую войну за землю, лес, луга, пастбища, несмотря на приказы Временного правительства. По словам уже упомянутого могилевского крестьянина П.Я. Тадеуша, «дышать и ждать какой-то «учредилки», когда уже нет царя, у нас больше нет мочи. Без земли нам дальше оставаться нельзя» [3, с. 99]. Тем более 1917 год был годом очередного общинного передела земли. В этой борьбе на помощь крестьянам приходили исключительно большевики. П.Я. Тадеуш вспоминал, что, например, в деревне Павловке Польшковичской волости летом 1917 г. крестьяне захватили луга помещика Гатальского, который пригласил для умирения казаков. Видя бессилие казацких нагаек, Гатальский решил продать купцам лес, служащий защитой для полей от ветров и вообще «имеющий большое агрикультурное значение». Но благодаря настойчивости крестьян, поддержанных большевистской частью волостного совета, ему было запрещено продавать «защитный лес» [3, с. 99–100]. П.Я. Тадеуш свидетельствовал, что среди могилевских крестьян «всюду приходилось встречать полное одобрение большевистской программы передачи земли крестьянам немедленно, без выкупа» [3, с. 100–101].

Именно большевики находили точные, понятные народу лозунги, словесные формулировки, резко выделявшие их среди других партий. Член большевистской фракции исполкома Минского совета

в 1917–1918 гг. Э.М. Баренс, вспоминая об отчаянных баталиях на пленуме Минского совета в марте – мае 1917 г., писал: «Выступает эсер, кричит: «Кто за «землю и волю» – сюда!» Выступает большевик и в ответ кричит: «Кто за мир и хлеб – сюда!». На нашей стороне под громкие аплодисменты собирается громадное большинство зала» [6, с. 42].

Большевикам удалось схватить глубинную социальную мечту и облечь ее в форму социалистической идеологии. Еще на заре пролетарского движения В.И. Ленин призывал: «Надо мечтать!». Потом его, уже руководителя нового советского социалистического государства английский писатель Г. Уэллс все равно назовет «кремлевским мечтателем». Строители того государства хорошо понимали, что без мечты немислим общественный прогресс, что социализм, как новый общественный строй начинается не с логического конструкта, а с вдохновенной мечты. Они знали, что такое энергия мечты.

В советах, как в форме общественного самоуправления масс большевики увидели властно-управленческий инструментарий для осуществления мечты. Вряд ли они смогли создать в соответствии с тезисом В.И. Ленина «республику советов снизу доверху», «государство-коммуну». Они сохранили целый ряд важнейших конструкций и элементов старого государственного аппарата, органично соединив его с системой советских органов. Как образно заметил уже упоминавшийся М.М. Хатаевич, «советская рука» проникла во все углы и закоулки прежнего аппарата и переустроила его на новый, советский лад [7, с. 375].

Вот так и победил, дав начало кристаллизации новой советской управленческой системы, большевистский идеологический проект, максимально точно выразивший иррациональные эмоциональные доминанты социальной мечты.

Использованные источники и литература

1. Брачев, В.С. Масоны и власть в России / В.С. Брачев. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2003. – 640 с.

2. Великая Октябрьская Социалистическая Революция в Белоруссии. Документы и материалы в 2-х тт. Т. 2. Победа Социалистической революции и укрепление советской власти в Белоруссии (ок-

тябрь 1917 – март 1918 г.). – Минск: Гос. изд-во БССР, 1957. – 1068 с.

3. Воспоминания П. Я. Тадеуша // 1917 год в деревне (воспоминания крестьян). – М.: Изд-во полит. лит., 1967. – 288 с.

4. Государственные границы Беларуси. Сборник документов и материалов в 2-х тт. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926 г.) / Сост. В.Е. Снапковский. – Минск: БГУ, 2012. – 495 с.

5. Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2011. – 591 с.

6. От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской Социалистической Революции). – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – 432 с.

7. Хатаевич, М. Гомельская большевистская организация в 1917 г. / М. Хатаевич // Рассказывают участники Великого Октября. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – 468 с.

8. Хрестоматия по истории Беларуси. В 2 ч. Ч. 2, кн. 1. 1917–1945 гг. / Сост. Я. И. Трещенок [и др.]; под науч. ред. Я. И. Трещенка, М. И. Старовойтова. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2012. – 447 с.

КАСТРЫЧНІЦКАЯ РЭВАЛЮЦЫЯ І АДНОСІНЫ БАЛЬШАВІКОЎ ДА ПРАВА

Саракавік І.А.

г. Мінск, Акадэмія кіравання пры
Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

З перамогай Кастрычніцкай рэвалюцыі самае галоўнае для большавікоў стала ўтрыманне ўлады. Дзеля гэтага неабходна было ажыццявіць цэлы шэраг першачарговых задач: сфарміраваць органы ўлады і кіравання як у цэнтры, так і на месцах; пабудаваць армію, якая б ажыццявіла абарону савецкай дзяржавы ад знешніх ворагаў; стварыць праваахоўную сістэму дзеля падтрымання грамадскага парадку ўнутры краіны і цэлы стос іншых задач.

Сярод іншых важных задач патрэбна было вырашыць адносіны большавікоў да права. К. Маркс і У.І. Ленін на гэты конт выказаліся толькі ў агульным плане. Найбольш дэталёва яны прапрацоўвалі пытанне ўзяцця ўлады пралетарыятам, устанавлення яго дыктатуры і перспектывам развіцця рэвалюцыі. У.І. Ленін нават марыў